

Д. М. Рогозин

Четыре принципа, пять ориентиров и бесконечная сложность социальных исследований

Дмитрий Михайлович Рогозин — кандидат социологических наук, директор Центра полевых исследований Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС при Президенте Российской Федерации. **Адрес:** Москва, Пречистенская набережная, 11, корп. 1, ком. 404. **Электронная почта:** rogozin@ranepa.ru.

Аннотация: Российская наука сейчас переживает не лучшие времена. Но оглядываясь назад, замечаешь, что лучших времен, как бы и не было. Всегда находились непреодолимые трудности, всегда присутствовала большая неопределённость. Журнал «Пути России» является преемником многолетней традиции интеллектуального осмысления нелучших времен, основанной Заславской и Шаниным в далеких 1990-х годах. Десятилетия обсуждения шли в рамках симпозиума («Куда идет Россия?», «Пути России»), переходили в текстовую форму одноимённого ежегодника. Теперь пришло время ежеквартальных выпусков. В редакторской статье представлены принципы и ориентиры, которых журнал будет придерживаться в дальнейшем. Автоэтнографичность, приоритет метода, открытость, дискуссионность, доминанта иронии и самоиронии составляют пять принципов журнала. Ориентирами же для нас выступают учителя, их представления, суждения, убеждения и мечты. Мы будем развивать в нелучшие времена лучшие традиции российского социального знания, в котором нет ни дисциплинарных, ни национальных, ни статусных границ. А есть лишь стремление к опровержению собственных заблуждений, через которое становится возможным социальное познание.

Ключевые слова: автоэтнография, история социологии, научный этос, полевые исследователи

Для цитирования: Рогозин, Д. М. Четыре принципа, пять ориентиров и бесконечная сложность социальных исследований // Пути России. 2023. Том. 1. № 1. С. 5–15.

ПЕРВЫЙ НОМЕР ЭТОГО ЖУРНАЛА лишён претензий на глобальность. У нас даже нет привычных статей. Посмотрите: есть рубрика «Полевые наблюдения», есть мемориальная часть, которая весьма кстати посвящена Батыгину (1 июня в этом году исполняется 20 лет со дня его смерти), есть рецензии. И есть принципы, вокруг которых мы собираем журнал и единомышленников, а всё остальное, верим, приложится. Мы, как и завещал Батыгин, пребываем в весьма разнообразном биоценозе, в котором есть павлины, индюки, трясогузки и прочие пернатые. Но если пристально всматриваться в жизнь полевых исследователей, они более всего похожи на дятлов, к каковым относил себя и Геннадий Семёнович [Батыгин, 1999, с. 8]. Исследователь — это человек, который может сконцентрироваться на чём-то незаметном для других, что в итоге является для него самым важным, и поэтому — да, он дятел. Исследователю «неймётся», но сам характер его интереса, его поиска надёжно защищает научного сотрудника от того, чтобы стать просто публичным деятелем, павлином от социальных наук. Вот и наш журнал — для таких дятлов и отчасти про них, полевых исследователей, всё ещё встречающихся на путях России.

Четыре принципа

Что это за принципы? Прежде всего, автобиографичность и автоэтнографичность письма [Рогозин, 2015]. Мы приветствуем авторов, готовых ломать объективирующий научный дискурс и показывать внутреннюю кухню научной работы, своё «я» в производстве научного знания. И поэтому (во-вторых) мы уделяем особое внимание методологии и методу как таковому. Мы убеждены: это нормально, когда большая часть статьи посвящена не результатам конкретного исследования, а методам, благодаря которым эти результаты были получены, а также сомнениям, ошибкам, разочарованиям, которые неизбежны в исследовательском труде. В гуманитарном знании исследователь всегда субъектен и всегда остаётся базовым компонентом любой методологии, поэтому погоня за «объективностью» — ложная цель, путь недолжной объективации, подмены онтологии предмета эпистемологическими установками автора. Согласно классическому определению Симона Кордонского, «реальность научного проекта» всегда отличается от «того, что есть на самом деле» [Кордонский, с. 48–54]. И это последнее обнаруживается тем надёжнее, чем последовательнее автор раскрывает, как он достигал полученных результатов и выводов.

Третий принцип, который стоит подчеркнуть отдельно — это поддержание дискуссионности письма. Большинство научных жур-

налов допускают дискуссию только в рамках заранее известного набора жанров: от анонимных рецензий до уточнения ранее полученных результатов. Попытки опубликовать статью, специально выстроенную как полемический по отношению к работе другого автора текст, как правило, обречены на провал, непонимание и склоку, в чём каждый из нас может убедиться на собственном опыте. Однако «Пути России» верят в дискуссию и в то, что гуманитарное знание возможно только в коммуникативно открытом пространстве для критики. Поэтому нам важны и классические дискуссионные жанры (например, рецензии), и любые эксперименты, связанные с поиском форм научной дискуссии в печати. Такие поиски как нельзя более актуальны, потому что сегодня дискуссия вынесена в тихие кулуары: говорить можно только со своими и в закрытом сообществе. Однако наука как придерживалась, по Мертону, принципа коммунизма, так и придерживается — знание принадлежит всем, и публиковать нужно в первую очередь, то, что хочется обсуждать со всеми [Демина, 2005]. Вероятно, есть авторы, которые не нуждаются в дискуссиях, поскольку совершенно убеждены в своей правоте, и, вероятно, им с нами не по пути. Наш журнал для речи сомневающегося человека, не для убеждающей риторики. Мы призываем всех к самоиронии — это четвёртый принцип, которым дорожит редколлегия. Только самоирония, снижающая градус фундаментализма научного знания в сторону лёгкости и невыносимости бытия, и даёт другому — не такому, как ты — высказаться. В научном мире, на страницах «Пути России» самоирония избавляет нас и от погон, и от вериг (даже если вы носите их в действительности), и позволяет говорить без окриков и обид.

Можно было бы сказать, что все вышеперечисленное — манифест к авторам. Мы не сторонимся классических статей и привычных форматов письма, но мы хотим дополнить их тем, что обычно воспринимается как галёрка, а то и кулисы академической сцены. «Полевые наблюдения» позволяют нам останавливаться на проходном: и монолог простой женщины вдруг обретает статус экспертного интервью. Почему нет? Если многодумами переживание социолога в поле воспринимается как нечто случайное, достойное разве что эсэмэски другу, то мы убеждены: в случайном, кулуарном, достойном только эсэмэсок — и производится наука. Разделение на кулисы и сцену не соответствует этосу научного знания, поэтому даже воспоминания о коллегах и эпохах мы стремимся сделать полемическими, дискуссионными, оставляющими место для реплики оппонента. Ушедшие коллеги для нас — не памятники на пьедесталах, а живые в своих текстах и поступках люди, участвующие в современных дискуссиях на равных, сотканые из вечного и случайного, где и то, и то — интересно.

Пять ориентиров

Позвольте упомянуть несколько имён, которые, как мне кажется, определяют пространство смыслов, ценностей и качеств, дорогих «Пути России». Конечно, Теодор Шанин. Многими он воспринимается как человек, внесший новации в образовательную повестку, разрушивший стену между образованием и наукой, создавший прообраз всех современных научно-исследовательских университетов и т. д. — это справедливо, но он важен ещё одним замечательным качеством: приверженностью процедурам. Шанин видел пространство научного исследования как пространство предельно демократическое, но демократию определял через бюрократию, то есть через систему последовательных договоренностей и процедур, которых участники дела придерживаются несмотря ни на что. Такая система требует протоколирования, потому что нельзя полагаться на память, и Шанин всегда относился к протоколам серьёзнее, чем к текущему контексту. Многие помнят, что раз в две недели в Шанинке проходили Сенаты, которые Теодор открывал молоточком, которые всегда протоколировались, причем заседание текущего сената начиналось с подписания протокола прошлого. Многие помнят и то, что не все понимали Теодора: зачем эти формальности? Однако именно они, именно ситуация, когда все прошлые задачи зафиксированы и порядок слов определён, помогали Шанину быть новатором: нельзя проектировать настоящее, и как раз процедура понуждает нас работать в проектном режиме с будущим.

Процедура создаёт демократическую дистанцию, благодаря которой голос каждого будет услышан, а вынесенное решение станет согласованным. Процедура необходима для общения, а тем более научной дискуссии; «Пути России» мы хотели бы организовать по-шанински: даже процедура одобрения статей (через традиционное анонимное рецензирование) должна быть дополнена коллегиальным обсуждением, с включением самих авторов, где и когда это возможно. Протоколирование давало сбои в самой Шанинке, вызывая конфликты административного и профессорского сообщества — мы далеки от идеализации, но сам принцип показал себя действенным.

Другая важная черта, которую мы наследуем от Шанина, — это разрушение иллюзии автономии авторства. Известно, что тексты Шанина, посвященные исследованию русского крестьянства, были результатом работы целого коллектива, что наглядно демонстрировало: современное научное знание всегда знание коллективное; за любой, даже сугубо теоретической статьёй, стоит огромное количество людей, внесших в неё свой вклад. Отсюда шанинский «длинный стол» — метод производства статьи посредством реальной дискуссии большого числа порой несогласных друг с другом авторов [Штейнберг, 2021].

В «Пути России» мы приветствуем многоавторский текст, обнаружение коллективной природы научного знания.

Близким другом Шанина, неизменным участником его «длинного стола» был историк Виктор Петрович Данилов, знаток архивов. Шанин всегда повторял, что своими работами по крестьянству он обязан Данилову, при том, что Виктор Петрович во многом являл противоположность Теодору. Прежде всего, он был очень авторитарен в организации научного процесса и очень свободен, неформален в личностном общении. И вот эта научная дружба — демократа Теодора и автократа Данилова — демонстрирует, что плодотворное сотрудничество возможно даже при несовпадении личных темпераментов. В некоторой, невообразимой перспективе демократические процедуры Шанина и авторитарные порядки получения знания Данилова — служили общему делу, открываясь навстречу друг другу в общем поиске.

Вслед за Шаниным и Даниловым нельзя не вспомнить Владимира Александровича Ядова. Если для Шанина демократия — это принципы и убеждения, то для Ядова — стиль жизни [Ядов, 1999; Vivat Ядов, 2009]. Об этом — много мифов и легенд Института социологии. Например, о том, что Ядов, став директором Института, первым делом построил в его подвале баню, где проводил научные семинары. Или о том, что свой собственный кабинет надумал превратить в кафе, а своего секретаря обратить официантом — чтобы было место, куда каждый сотрудник Института может прийти за чаем, кофе и хорошим разговором.

Он всегда настаивал, что директор большого научного коллектива — вовсе не тот, кто задает повестку, а тот, кто не мешает работать остальным. При Ядове социологи перестали быть крепостными своих отделов, возникло броуновское движение, что, конечно, в итоге сломало всем головы. У Ядова не было процедур, это всем усложняло жизнь, но у него был особый стиль общения, позволявший Владимиру Александровичу на любом партсобрании играть роль простеца — и это давало другим глоток свежего воздуха даже в самой затхлой атмосфере. И в фигуре Ядова мы находим противоядие против приверженности выхолощенным порядкам, процедурам, лишённым смысла, дискуссиям, лишённым содержания. Всё бессмысленное и формальное должно быть показано как таковое — со смехом и иронией «простеца».

«Пути России» немислимы, конечно, и без Татьяны Ивановны Заславской. О ней можно было бы сказать: тип учёного, противоположный и Шанину, и Ядову одновременно — совершенно другое, третье или четвёртое уже измерение... Заславская — очень системный человек, ставивший во главу угла социальную политику и возможность на неё влиять [Заславская, 1999, 2007a]. Конференция «Пути России» возникла именно в этих целях: не как форма интеллектуального досуга, не как сугубо академическое упражнение, а как попытка включить в сферу гуманитарного знания тех, кто не заинтересован в научных аргументах, но настроен на формирование административных

порядков [Громова, 2000]. Здесь научная дискуссия становилась пространством коммуникации между «лишёнными голоса» — нуждающимися социальными группами — и «принимающими решения» — администраторами различного ранга.

Конечно, такая научная установка была чревата поражениями, и так и переживался Заславской знаменитый «Новосибирский манифест»: послание, на которое должны были обратить внимание наши управленцы, стало интересно последним только после ажиотажа на Западе [Заславская, 2007b]. Но поражения не повод изменять принципам. Помню, когда в 2006 году я руководил проведением «Путей России» [Пути России, 2006], Заславская не переставала задавать один и тот же вопрос в отношении любой секции, любого доклада: «Зачем это нужно?» Она сама ценила теоретическую и методологическую работу, как математик в прошлом была чрезвычайно скрупулёзна и в том, и в другом, но красивый аргумент ради красивого аргумента, теория ради теории были ей непонятны. Может ли разговор быть услышан? Может ли он быть понят тем, кто «не мы» — людьми других социальных групп? Она никогда не подстраивалась под начальство, но она всегда следила за тем, чтобы научная коммуникация оставалась инклюзивной для многих, и в этом открывалась киническая природа научного знания. Такая инклюзия должна оставаться с «Путями России» и сегодня.

Нельзя не вспомнить ещё и Бориса Андреевича Грушина — харизматического хулигана от социологии, чего стоил один его таганрогский проект [Грушин, Нейгольдберг, Айвазян и др., 1969; Грушин, Оников, 1980; Грушин, 1999, с. 214–219]. Или тот же пражский проект, когда он ходил по местным пивным и рассматривал оставленные там надписи [Грушин, 2020]. Он олицетворяет увлечённость своим делом столь страстную, что многие её воспринимали как одержимость. Борис Андреевич убедил редактора «Комсомольской правды» сделать немислимое: провести общероссийский опрос на страницах газеты [Грушин, 2001]. В своих воспоминаниях он пишет, что на следующее утро шёл на работу с двумя перспективами: либо посадят, либо наградят [Грушин, 1999, с. 209]. И если Заславская искала инклюзии между научным и чиновничьим миром, то Грушин умел создавать пороги, о которые спотыкались чиновники. В этом мы согласны: наука не должна бежать от эпатажа и эксперимента, пока она готова оставаться наукой.

И бесконечная сложность

Упомянем ещё и о «великолепной четвёрке» — шанинских профессорах, оставивших заметный след в развитии «Путей России» [Рогозин, 2022]. И снова — как не процитировать одного из четвёрки, Геннадия

Семёновича Батыгина. Он никогда не участвовал в конференции, отшучиваясь, что, «как хасид», сторонится прямого «обсуждения евреями будущего России». Однако он всегда посещал кулуары конференции — и именно для того, чтобы выстроить там открытую и максимально публичную дискуссию. По сути, в кулуарах он создавал свой поток, свой семинар — и этот последовательный жест не разрушал, а поддерживал «Пути России» заложенной в нём самоиронией. Батыгин как учитель и человек, задающий тон дискуссии, где свободное критическое высказывание — доминанта, важен и для меня лично, и для журнала.

Как только ты пытаешься убедить кого-то в истине, несомненность которой для тебя очевидна, ты невольно эту истину топчешь и ей же вредишь; поэтому выше оценок «это правильно», а «это неправильно» стоит поставить регламент научной коммуникации. При Батыгине не страшно было сказать ахинею, потому что — будучи помещенной в регламент научной коммуникации — она обращалась не позором для говорящего, а прибытком: уточнением, развитием или опровержением и преодолением его мысли. От него же — традиция эпистемологического послушания [Батыгин, 2003а]. Геннадий Семёнович был погружен в философские проблемы и обладал изысканной метафорической речью, но сознательно упрощал свои тексты и работал над простотой высказываний. Его девиз: если можешь упустить какие-то прилагательные, эпитеты, метафорические переносы, упусти. И в этом он наследует, конечно, еврейско-американской социологической школе, созданной Лазарсфельдом и Мертоном [Батыгин, 2001, 2003б]. По сути, они и были его учителями.

Я помню явный запрет, данный мне Батыгиным в период ученичества: год не читать социологические статьи на русском, потому что они инфицированы наукообразием и без минимальной устойчивости к этому нарративу, без способности задать вопрос автору статьи не смущаясь, не стоит погружаться в их тёмные воды. Учёный должен преодолеть диктат теоретического, чтобы разговор об эмпирике приобрёл фундаментальные основания — это буквально батыгинский путь.

Он размывал не только границы между теоретическим и эмпирическим, но и между количественным и качественным. Его статья с Инной Феликсовной Девятко «Миф о качественной социологии», воспринятая как критика качественного исследования, на самом деле была критикой количественных подходов [Батыгин, Девятко, 1994], не случайно Батыгину оказался так близок Альфред Шютц и Ирвинг Гофман с их сугубо качественной, феноменологической линией мысли [Гофман, 2003; Шютц, 2003]. Тут же рядом — Карл Поппер, Имре Лакатос и Томас Кун, в которых Батыгин увидел очарование эшелонированных порядков научной доказательности. Его всерьёз занимал вопрос: как возможно получение нового знания,

когда в науке всё так сегментировано, иерархизировано и взаимозависимо? И вся методологическая линия Батыгина берёт начало в этом искреннем удивлении — самой возможности познания. Ему близок и Кант с его категорическим императивом, и Незнайка Носова с его привычкой всюду лезть и обо всём спрашивать — так создаются иронические конструкции, способные расшевелить знание. Батыгин был несомненным эрудитом, но очень осторожно относился к эрудиции, полагая, что она многое разрушает, мешая человеку удивляться. Максима о блаженстве нищих духом для него прямо реализовалась в научном познании — и занимает достойное место в нашем журнале.

Трое других участников «четвёрки» точно так же не походили друг на друга, как Кант на Незнайку и как все вышеперечисленные герои — друг на друга. Александру Олеговичу Крыштановскому не требовалось делать какого-то особенного усилия, чтобы упростить себя — он не был простаком, но, по Миллсу, не умел высказывать мысль сложно, если можно было сделать это ясно и кратко [Крыштановский, 2007; Миллс, 1998]. И поэтому он будто бы не вписывался ни в математическое сообщество — общался как «свой» с гуманитариями, ни в гуманитарное — объяснял всё по существу и без аллюзий, как математик. Но за это же его ценили друзья и коллеги. В течение целого курса он мог рассказывать о хи-квадрате — и это было увлекательно и полезно. И конечно, у него был удивительный юмор, на уровне стендапа. Можно смеяться над сниженной лексикой, внесением в серьёзный контекст чего-то бытового или даже полового, а Крыштановский смеялся, создавая не сниженные, а неожиданные контексты. Он будто приучал слушателей к какому-то ходу мыслей, чтобы потом, на следующем шаге, вдруг сказать совершенно обратное — и огорошить собравшихся. Трагичность моих отношений с Александром Олеговичем в том, что он был единственным, кто всерьёз прочёл рукопись моей методической статьи, вдохновился ей и посвятил меня в планы создать общую лабораторию в Вышке — как раз накануне своей слишком ранней гибели. Ушёл Крыштановский — и многое посыпалось, как я полагаю, не только в моей научной карьере. Помню растерянность, боль и короткие строки, открывающие ту методическую статью: «Светлой памяти А. О. Крыштановского, с которым посчастливилось сотрудничать на протяжении нескольких лет» [Рогозин, 2005].

Рядом с ушедшими Батыгиным и Крыштановским стоят Вадим Валерьевич Радаев и Александр Фридрихович Филиппов — профессора, хорошо известные в научном сообществе и тоже не нуждающиеся в представлении. Радаев в «четвёрке» всегда представлял человеком, отвечающим за результат и на него нацеленным, человеком, который видит финиш уже в самом начале работы. Это качество результативности и текстоцентричности для журнала необходимо

по определению. А Филиппов, напротив, впечатлял своей способностью замедляться над научной проблемой, обдумывать мысль, не боясь увязнуть в аргументах, — что очень ценно редколлегии, желающей даже незаметное и малое сделать большим и продолженным предметом обсуждений.

Подозреваю, что в этом пантеоне героев, живых вполне и живых в своих текстах — ещё не хватает многих фамилий, но даже перечисленных довольно, чтобы увидеть, насколько невозможно их соседство в рамках одной школы или одного направления. В каком-то смысле и по-человечески невозможным предстаёт даже их сотрудничество, и всё же оно реализовалось и реализуется. «Невозможного нет, есть только трудное», — не раз повторял Шанин. Свобода и открытость — базовые ценности научного знания, вокруг которых могут объединяться очень разные люди, и в пространстве которых даже разнонаправленные векторы приводят в одну точку. «Пути России» множественны: они не являются голосом какой-то определённой части научного сообщества, и видят сложность и многообразие научного ландшафта, социальных исследований как несомненный плюс, как, по меньшей мере, повод для дискуссий.

Литература

1. *Батыгин, Г.С.* «Никакого другого пути я даже помыслить не мог» // Социологический журнал. 2003а. № 2. С. 132–167.
2. *Батыгин, Г.С.* «Я — научный сотрудник»: интервью В.И. Бакштановского с Г.С. Батыгиным // Ведомости Тюменского гос. нефтегазового ун-та. 1999. Вып. 14. С. 8–16.
3. *Батыгин, Г.С.* Континуум фреймов: социологическая теория Ирвинга Гофмана // И. Гофман. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта: Пер. с англ. / Под ред. Г.С. Батыгина, Л.А. Козловой. М.: Институт социологии РАН, 2003б. С. 7–57.
4. *Батыгин, Г.С.* Ремесло Пауля Лазарсфельда: введение в его научную биографию // Социологический журнал. 2003б. № 2. С. 115–131.
5. *Батыгин, Г.С.* Этос науки // Ведомости Тюменского государственного нефтегазового университета. 2001. Вып.18. С.39–61.
6. *Батыгин, Г.С., Девятко, И.Ф.* Миф о качественной социологии // Социологический журнал. 1994. № 2. С. 28–42.
7. *Гофман, И.* Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта // Пер. с англ. Р.Е. Бумагина, Ю.А. Данилова, А.Д. Ковалева, О.А. Оберемко; Под ред. Г.С. Батыгина, Л.А. Козловой. М.: Ин-т социологии РАН, 2003.

8. **Громова, Р.Г.** «Куда идет Россия?» Семь лет в пути... // Экономическая социология. 2000. Т. 1. № 2. С. 85–93.
9. **Грушин, Б.А.** Горький вкус невостребованности // Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г.С. Батыгин; Ред.-сост. С.Ф. Ярмолюк. СПб.: Русский христианский гуманитарный ин-т, 1999. С. 205–228.
10. **Грушин, Б.А.** Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина. Жизнь 1-я эпоха Хрущева. М.: Прогресс-Традиция, 2001.
11. **Грушин, Б.А.** In Pivo Veritas: цитаты, афоризмы и другие заслуживающие внимания тексты из пражских ресторанов, трактиров и пивных / Пер. чеш. и комм. И.Н. Шульц. М.: Изд-во ВЦИОМ, 2020.
12. **Грушин, Б.А., Нейгольдберг, В.А., Айвазян, М.С., Оников, Л.А., Смирнов, Г.Л.** 47 пятниц: программы и документы исследования. М.: Ин-т конкретных социальных исследований АН СССР, 1969.
13. **Грушин, Б.А., Оников, Л.А.** Массовая информация в советском промышленном городе. М.: Политиздат, 1980.
14. **Демина, Н.В.** Концепция этоса науки: Мертон и другие в поисках социальной геометрии форм // Социологический журнал. 2005. № 4. С. 5–47.
15. **Заславская, Т.И.** Избранные произведения. В 3-х томах. Том 3. Моя жизнь: воспоминания и размышления. М.: Экономика, 2007а.
16. **Заславская, Т.И.** Нам очень хотелось создать настоящую науку // Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г.С. Батыгин; Ред.-сост. С.Ф. Ярмолюк. СПб.: Русский христианский гуманитарный ин-т, 1999. С. 132–155.
17. **Заславская, Т.И.** О совершенствовании производственных отношений социализма и задачах экономической социологии (Новосибирский манифест) // Т.И. Заславская. Избранное. Т. 2: Трансформационный процесс в России: в поиске новой методологии. М.: Изд-во «Экономика», 2007b. С. 523–539.
18. **Кордонский, С.Г.** Как устроена Россия: статьи и интервью разных лет. М.: Common Place, 2021.
19. **Крыштановский, А.О.** Анализ социологических данных с помощью пакета SPSS. 2-е изд. М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2007.
20. **Миллс, Ч.Р.** Социологическое воображение / Пер. с англ. О.А. Оберемко; Под ред. Г.С. Батыгина. М.: Изд-во «Стратегия», 1998.
21. Пути России: проблемы социального познания / Под общ. ред. Д.М. Рогозина. М.: Изд-во Московской высшей школы социальных и экономических наук, 2006.
22. **Рогозин, Д.М.** Как работает автоэтнография? // Социологическое обозрение. 2015. Т. 14. № 1. С. 224–273.
23. **Рогозин, Д.М.** Личный выбор убедительнее коллективного: Рецензия на книгу В. Радаева «Преподавание в кризисе» // Вопросы образования. 2022. № 3. С. 250–262.
24. **Рогозин, Д.М.** Результативность телефонного опроса в зависимости от ограничений на выбор респондента внутри домохозяйства // Социологический журнал. 2005. № 3. С. 52–84.
25. **Штейнберг, И.Е.** Метод «длинного стола» в качественных полевых социологических исследованиях / Илл. П.К. Залесского, А.С. Дмитриева. М.: Изд-во ВЦИОМ, 2021.
26. **Шютц, А.** Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / Сост. А.Я. Алхасов; Науч. ред. Г.С. Батыгин. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003.

27. Ядов, В.А. Мы все — самоучки в социологии // Российская социология шестидесятих годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г.С. Батыгин; Ред.-сост. С.Ф. Ярмолюк. СПб.: Русский христианский гуманитарный ин-т, 1999. С. 42–63.
28. Vivat, Ядов! К 80-летию юбилею: сборник / Под ред. Е. Даниловой. М.: Новый хронограф, 2009.